

ЧУДОДЕЙ ЖИВОЙ РЕЧИ

А. Я. Закушняк и его «Вечера рассказов»

— ЧЕГО нам решительно недоста-
ет — это способности удив-
ляться.

Идет к концу первое пятидесятиле-
тие нашего государства и новой,
советской культуры, в которой воз-
ник, развился и расцвел новый вид
искусства, искусства художественного
чтения. А мы, считая это как бы в
порядке вещей, даже не даем себе
достаточного труда осознать, оценить
в полной мере это открытие, изучить
его истоки, осмыслить его законы, по-
нять его истинные удачи, проанализи-
ровать опыт хотя бы его зачинателей.

Время прошло. Дистанция обозна-
чилась. Вклад велик. Пора его осмы-
слить и, в частности, вспомнить с
благодарностью Александра Яковле-
вича Закушняка, от которого пошло
в нашей стране, а ныне и не только в
нашей стране, но и далеко за ее пре-
делами, искусство художественного
чтения.

Уже около сорока лет минуло со-
дня внезапной кончины этого заме-
чательного артиста. Звукозапись в
двадцатые годы была примитивна.
Искусство Закушняка осталось неза-
фиксированным — у нас нет даже на-
поминания о том, как звучал его го-
лос, не говоря уже о самом его ис-
кусстве. Но осталось нечто большее,
чем непосредственная фиксация зву-
ка, — осталась школа. И в этом отно-
шении Александр Яковлевич разде-
ляет судьбу выдающихся актеров
прошлого, чье искусство живет в па-
мяти людей и в традициях. Немало
способствует этому и то обстоятель-
ство, что мы судим об этих тради-
циях не понаслышке, но и по тому,
что на помощь нам приходит огром-
ный опыт друга и сподвижника За-
кушняка, режиссера его программ,
его «Вечеров рассказов» Евгении Бо-
рисовны Гардт — режиссера, вопло-
тившего принципы искусства Закуш-
няка в работах многих из его учени-
ков и последователей.

Однако значение творчества Закуш-
няка куда шире: огромное число худ-
ожников слова, никогда не выда-
вших и не слышавших Закушняка и не
работавших с Гардт, продолжает
развивать принципы нового вида ис-
кусства, которого основоположником
являлся А. Я. Закушняк.

Впрочем, дело не только в принци-
пах. Дело в том, что, как всякий
очень большой художник, Закушняк
остаётся живым явлением искусства
и в известной степени образцом, к
совершенству которого (но не к скоп-
стви с которым!) желал бы прибли-
зиться не один из выступающих на
литературной эстраде артистов.

Это нелегко. И в основе этого ле-
жат две причины. Талант Закушняка.
И новизна его явления в искусстве.

Когда он являлся перед публикой
на эстраде Ленинградской капеллы —
я видел и слышал его впервые в се-
зоне 1925/26 года, — ничто ещё
не было ведомо из того, что произой-
дет перед нами, кроме громкой сла-
вы Закушняка и славы необычайно
стремительной! И он выходил — не-
большой худощавый брюнет, с про-
зительным взглядом, в свободной
широкой блузе художника с крах-
мальным пластроном, который как-то
очень хорошо гармонировал с этой
одеждой. И начинал рассказывать
как очевидец, как свидетель событий
— припоминая, подыскивая нужное
слово, жестикულიруя — порывисто,
иной раз торопливо, помогая жестом
себе, а не украшая речь плавным
движением рук, и как только он
произносил первые фразы, вы забы-
вали, что авторы текстов Мопассан,
Анатоль Франс, Лев Толстой... Авго-
ром был Закушняк, строящий рас-

сказ на ходу, смотревший вам в гла-
за в ожидании вашей реакции... О,
это был увлекательнейший рассказ-
чик! Нельзя было даже поверить в
то, что рассказы эти были кем-то на-
писаны, — так естественна, почти
скороговорочна была эта экспресси-
вная речь, эта непосредственность об-
щения, этот характер непринужденной
беседы, личная заинтересованность
рассказчика, ищущего поделитьсь пе-
реполнявшими его впечатлениями. И
столк на эстраде, и стакан крепкого
чая в мас-ляном стакане, из которо-
го Закушняк прихлебывал время от
времени, и самое поведение на эстра-
де этого средних лет человека, глу-
боко интеллигентного и артистич-
ного, привыкшего свободно держаться
в обществе, — все это усиливало
достоверность рассказа... Невозможно
было поверить, что истекло два с по-
ловиной часа. Они были коротки.
Хотелось еще!

Только впоследствии я узнал, что
Закушняк работает над текстами, вы-
брасывая все, что могло быть воспол-
нено жестом, мимикой, интонацией,
что он освобождает речь от сложной
конструкции литературной фразы и
намеренно прядает фразе классиков
экспрессию разговорной речи, не те-
ряя при этом, а, наоборот, даже уси-
ливая признаки стиля писателя, под-
черкивая, выделяя, гипертрофируя
их. Что он придает литературным
произведениям устность и отбирает
из текста только самое важное, са-
мое главное...

Началом этих прославленных «Ве-
черов рассказов» считается 14 октября
1924 года, когда в Москве перед
аудиторией культурработников Закуш-
няк впервые исполнил «Пышку» Мо-
пассана и «Банковый билет» Марка
Твена. Вечер, за которым последовало
в продолжение пяти с половиной
лет более 800 вечеров. Но этому пер-
вому предшествовали большая био-
графия и огромный артистический
опыт.

Александр Яковлевич Закушняк ро-
дился в 1879 году в Одессе, в куль-
турной семье. Обучался в универси-
тете на юридическом и историко-фило-
логическом факультетах — он был
очень образованным человеком! —
что тоже в немалой степени сказа-
лось на структуре образа рассказчи-
ка и отношении его к предмету рас-
сказа, на богатстве ассоциаций, воз-
никающих в процессе творчества, в
процессе общения! Но смолodu он
был привержен к театру, с 14-лет-
него возраста начал выступать в ка-
честве статиста, потом стал актером,
работал в провинциальных труппах,
исколесил Россию, покуда в 1907 го-
ду не вступил в труппу В. Ф. Ко-
миссаржевской, где занял видное по-
ложение, играл первые роли, побу-
вал с театром в Америке и в Евро-
пе...

Подспудно росло желание воплотить
множество впечатлений и отно-
шений к жизни и к людям в ином —
нетрадиционном жанре, открыть людям
богатство художественной литерату-
ры, о которых они, читая эту литерату-
ру глазами, даже не могут под-
озревать...

Так родились «Вечера интимного
чтения» в 1909 году, вечера, имев-
шие значительный успех в кругу худ-
ожественной интеллигенции и при-
ведшие Закушняка в качестве рас-
сказчика в фойе Художественного те-
атра, где его слышал и Станислав-
ский, ободривший и похваливший мо-
лодого чтеца. Потом была военная
служба. После революции Закушняк
переехал в Москву, работал в «Но-
вом театре», и в мейерхольдовском, и
в кукольном театре, покуда не вы-

шел на эстраду перед большой ауди-
торией, и, взяв все лучшее, что опре-
делилось в интимных аудиториях, по-
нес это людям, понятным революци-
ей, искавшим новых связей с литера-
турой, нового понимания идейного
содержания великих произведений и
постижения совершенства их вопло-
щения, их формы. Новый вид ис-
кусства родился и был обращен на
решение великих задач культурного
строительства в нашей стране...

«Египетские ночи» Пушкина. Гого-
левский «Тарас Бульба», «Униженные
и оскорбленные» Достоевского, «Ка-
тюша Маслова» по «Воскресению»
Толстого. Чеховские рассказы. Ба-
бель. Мопассан. Анатолий Франс, Марк
Твен, Джек Лондон... — вот основное,
что было исполнено Закушняком в
годы стремительного его расцвета и
вдохновенного общения с широкой
аудиторией, охватывавшей самые
различные контингенты советского
общества...

Уже теснились в его воображении
новые работы — «Гамлет», книги
Рабле и Шарля де Костера с их на-
родностью и близостью к площад-
ным представлениям средневековья,
как вдруг внезапно болезнь — вос-
падение легких у человека, никогда
ничем не болевшего, в пору, когда
еще не было антибиотиков!.. В неде-
лю его не стало. Он умер 21 апреля
1930 года. Спасти его было нельзя!

Что было до Закушняка на эстра-
де? Разве никогда не звучала на ней
литературная речь? Разве великие
актеры не выходили на подмостки
ее, чтобы прочесть великие творения
литературы?

Конечно, опыты были! Еще в 1843
году Гоголь писал, что публичные
чтения у нас необходимы и что со
временем публичные чтения заменят
у нас спектакли. И выходили на
эстраду — и Шелкин, и Давыдов, и
Москвин Иван Михайлович читал с
эстрады рассказы, и Качалов увлекал
публику исполнением монологов Ива-
на Карамазова. Многие были. Но, во-
первых, это возникало от случая к
случаю, во-вторых, было скорее
«разыгрыванием» рассказов как теат-
ральных сенок. Закушняк вышел на
эстраду, чтобы стать «вторым автором»,
как говорил он сам. И превращался
на наших глазах чаще всего в
первого автора, коль скоро о настоя-
щем авторе мы забывали на время,
покуда на эстраде действовал этот
чудодей живой речи. С приходом
Закушняка все предшествующие по-
иски обрели новое качество, именно
ему принадлежала честь совершить в
этой области переворот и отпочко-
вать, образовать новую отрасль в на-
шем искусстве — искусство художе-
ственного слова.

Значение Закушняка заключается
также и в том, что за ним пошли
другие, что ствол стал выбрасывать
побеги — искусство расширилось и
завоевало себе столь прочное место,
что даже невозможно представить се-
бе в нашей стране угла, где бы не
было чтеца — человека, помогающего
раскрыть богатства, заложенные в
недрах художественного произведе-
ния, чтеца, выступающего в роли худ-
ожественного воспитателя масс.
Именно в этом, а не только в том,
что он был первым по времени, ос-
новополагающая роль Александра
Яковлевича Закушняка в новом ис-
кусстве.

Одновременно с ним и от него не-
зависимо стал выступать в 20-х го-
дах со своими программами Влади-
мир Николаевич Яхонтов. Монтаж-
ные принципы Яхонтова — замеча-
тельнейшая страница в истории на-
шей культуры. Но то искусство —
исполнение художественной прозы, о
котором мы говорим сейчас, связано
с работой Закушняка. И сами испол-
нители чувствуют свою от него за-
висимость. И отдают вместе со
слушателями дань уважения и бла-
годарности замечательному художни-
ку, с которого все началось.

Соб. кум. и др., 1967, 20 мая